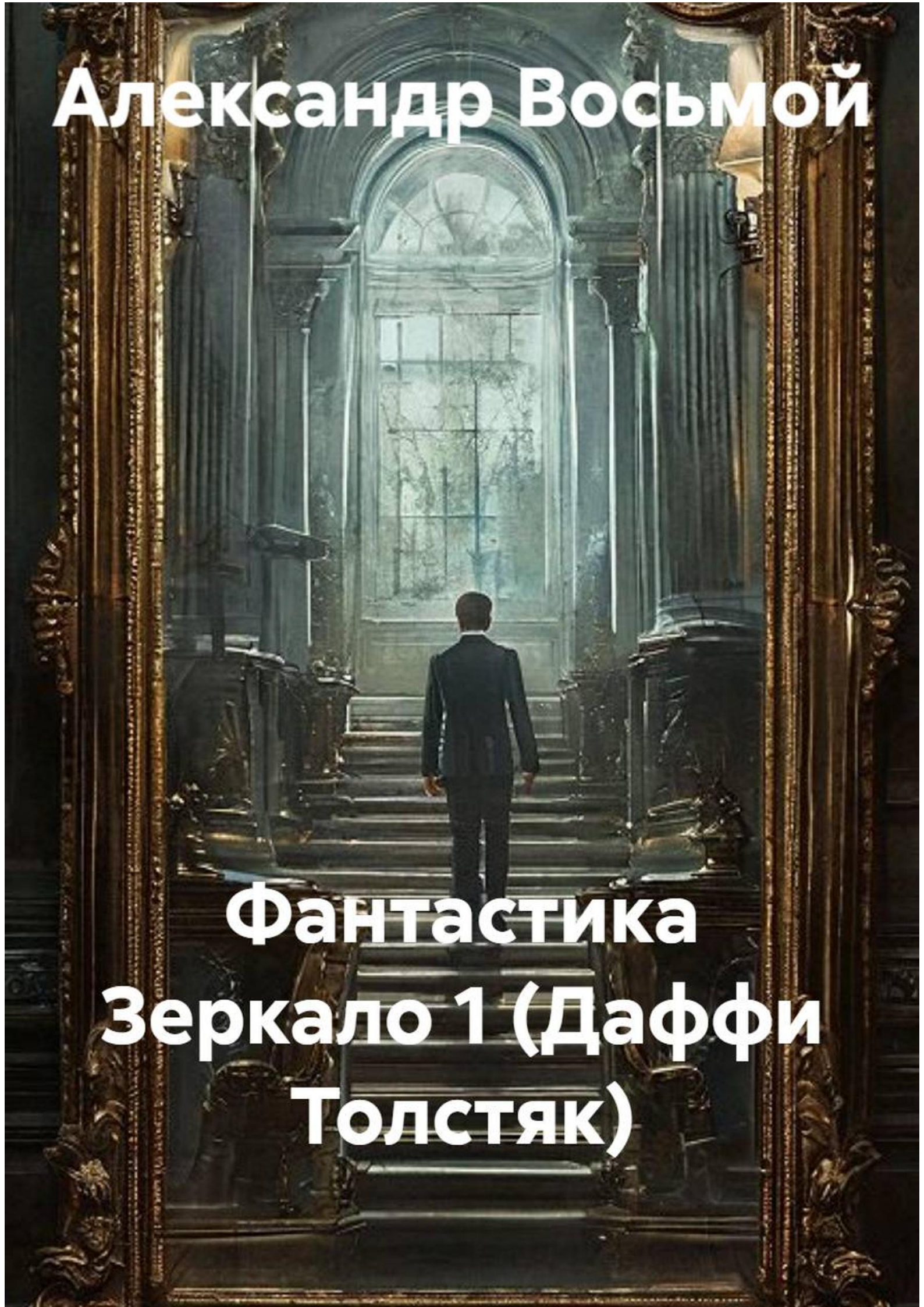

The background image is a surreal scene framed by an ornate, antique mirror. Inside the mirror, a man in a dark suit is seen from behind, walking up a wide, marble staircase. At the top of the stairs is a large, arched doorway with a multi-paned glass door. The interior of the mirror is a detailed, classical-style architectural space with columns and decorative elements. The lighting is dramatic, with the man and the staircase being the central focus.

Александр Восьмой

**Фантастика
Зеркало 1 (Даффи
Толстяк)**

Александр Восьмой

Фантастика Зеркало
1 (Даффи Толстяк)

«Автор»

2026

Восьмой А.

Фантастика Зеркало 1 (Даффи Толстяк) / А. Восьмой — «Автор»,
2026

Молодой трейдер получает в наследство старинное зеркало, в котором мелькают не отражения, а фрагменты будущего — на три года вперёд. Сначала это кажется даром: он угадывает тренды, взлетает на бирже, становится легендой. Но вскоре понимает: каждое верное предсказание тянет за собой тень — неудачу, которая настигает кого-то рядом. Теперь он должен решить, сколько чужих судеб он готов принести в жертву ради своего успеха.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Фантастика Зеркало 1 (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Тени в наследстве»

Город за окном дышал бетоном и усталостью — серые многоэтажки цеплялись за небо, будто боялись упасть в собственную тень. Марк стоял на пороге квартиры, которую получил по завещанию, и чувствовал, как тишина здесь не просто отсутствие звуков, а что-то живое, плотное, почти осязаемое. Ключ в замке щёлкнул с такой тяжестью, словно открывал не дверь, а страницу чужой, давно закрытой жизни.

Квартира встретила его запахом пыли и старого дерева — запахом, в котором не было ни уюта, ни тепла, только холодная память о человеке, которого Марк почти не знал. Его дядя был фигурой из редких семейных рассказов: молчаливый, замкнутый, будто всегда смотрел куда-то сквозь людей. Марк помнил лишь один вечер, когда дядя молча протянул ему потрепанную книгу о финансовых рынках и сказал только: «Не верь ничему, что выглядит слишком простым». Теперь эта фраза звучала как предупреждение.

Марк включил свет, но лампы вспыхнули неохотно, словно сопротивляясь вторжению. Тени дрогнули и расползлись по углам, будто испуганные звери. Квартира была заставлена коробками, старыми книгами, ящиками с бумагами — всё это выглядело как застывший архив чьей-то жизни, которую так и не успели разобрать. Марк прошёл по скрипучему полу, оглядываясь, будто ждал, что из темноты вот-вот прозвучит знакомый голос. Но тишина была абсолютной, и от этого становилось только тревожнее.

В дальнем углу комнаты, почти скрытое за громоздким шкафом, стояло зеркало. Тяжёлая рама из тёмного дерева была украшена витиеватыми узорами, потемневшими от времени. Металл местами позеленел, словно покрылся патиной не только от старости, но и от чего-то ещё — чего-то, что не имело отношения к времени. Марк остановился перед ним, чувствуя, как по спине пробежал холодок, будто кто-то провёл по коже ледяной иглой.

Он подошёл ближе и всмотрелся в стекло. Сначала там было только его собственное отражение: усталое лицо, тёмные круги под глазами, волосы, небрежно откинутые со лба. Но вдруг что-то дрогнуло. На долю секунды вместо его лица в зеркале мелькнул незнакомый городской пейзаж — высокие здания, окутанные густым туманом, улицы, залитые странным, неестественно ярким светом. Марк моргнул, и видение исчезло, оставив после себя лишь лёгкое головокружение и ощущение, будто он только что заглянул туда, куда заглядывать не следовало.

«Просто усталость, — пробормотал он, пытаясь унять дрожь в пальцах. — Слишком много сделок, слишком мало сна». Но чувство, что за ним наблюдают, не исчезало. Оно было не снаружи, а внутри стекла — будто сама поверхность зеркала была тонкой гранью между тем, что есть, и тем, что может быть.

Марк протянул руку и коснулся рамы. Дерево было холодным, почти ледяным, несмотря на тёплый воздух в комнате. Узоры под пальцами казались не просто резьбой, а чем-то вроде древних символов, смысл которых ускользал, оставляя только смутное ощущение тревоги. Он снова посмотрел в зеркало — и на этот раз увидел не себя, а тень, мелькнувшую в глубине стекла. Она не имела формы, но двигалась, будто искала выход.

Сердце забилося чаще, и Марк отступил на шаг, будто зеркало могло схватить его за руку и утянуть внутрь. Он огляделся, словно искал подтверждение, что всё это ему только кажется. Но пыль на коробках лежала нетронутой годами, старые часы на стене замерли на 11:17, а тишина продолжала давить на уши, становясь почти невыносимой.

Не в силах больше выносить этот взгляд из глубины стекла, Марк накинул на зеркало старую ткань, которую нашёл рядом. Ткань легла тяжело, будто сопротивлялась, и на мгновение

Марку показалось, что под ней что-то шевелится. Он отдернул руку, будто обжёгся, и отошёл к окну, чтобы перевести дыхание.

Город внизу продолжал жить своей жизнью: машины ползли по улицам, огни зажигались и гасли, люди спешили по своим делам, не подозревая, что где-то в пыльной квартире на окраине мира лежит вещь, способная заглянуть в будущее. Марк смотрел на этот привычный хаос и пытался убедить себя, что всё, что он видел, — просто игра света и тени, усталость и нервы. Но где-то глубоко внутри уже шевельнулось любопытство, смешанное со страхом: а что, если это не иллюзия? Что, если зеркало действительно показывает то, что ещё не случилось?

Он обернулся на прикрытое тканью зеркало, и ему показалось, что из-под края ткани пробивается слабый, мерцающий свет — будто стекло не хотело быть скрытым. Марк сделал шаг вперёд, затем остановился. В его голове уже крутились мысли, которые он пытался отогнать: «А если попробовать? Всего один раз. Просто посмотреть, что будет завтра».

Но прежде чем он успел поддасться этому искушению, телефон в кармане завибрировал, разрывая тишину резким звуком. Марк вздрогнул и достал телефон — это было сообщение от брокера: «Рынок нестабилен. Нужно решение в течение часа». Реальность ворвалась обратно, сметая мистические видения. Марк глубоко вдохнул, стёр с лица следы тревоги и вернулся к тому, что знал и понимал: к цифрам, графикам, сделкам.

Но когда он выходил из комнаты, ему показалось, что ткань на зеркале едва заметно дрогнула, будто под ней что-то двигалось. Он замер на пороге, прислушиваясь. Тишина снова сомкнулась вокруг него, плотная и тяжёлая, как перед грозой. И в этой тишине Марк услышал едва уловимый шёпот — или ему так показалось. Шёпот, который будто говорил: «Ты уже начал. Назад пути нет».

Глава 2. «Первый прогноз»

Ночь выдалась тягучей, как остывающий сироп: часы на стене отсчитывали секунды с нарочитой медлительностью, а тишина в квартире будто сгустилась, стала почти осязаемой. Марк сидел напротив зеркала — теперь уже не прикрытого тканью. Он снял её сам, будто поддавшись внутреннему шёпоту, который день за днём становился всё настойчивее.

Ткань упала на пол с тихим шорохом, и в тот же миг комната будто стала чуть темнее, словно свет боялся касаться поверхности стекла. Зеркало выглядело теперь не просто старым предметом, а чем-то вроде портала — холодного, равнодушного, ждущего. Марк не сводил с него глаз, чувствуя, как внутри нарастает странное напряжение, похожее на смесь страха и азарта.

Завтра должна была состояться сделка, от которой зависело многое: репутация, доверие клиентов, возможность закрепиться среди крупных игроков. Ставка была высокой, и интуиция, обычно острая, на этот раз молчала. Рынок вибрировал, как натянутая струна, и любое неверное движение могло обернуться падением.

Марк наклонился ближе, почти касаясь лбом холодного стекла, и начал всматриваться в глубину отражения. Сначала там было только его собственное лицо — усталое, напряжённое, с тёмными кругами под глазами. Но затем стекло будто дрогнуло, как поверхность воды, в которую бросили камень. По нему пробежала едва уловимая рябь, и на долю секунды перед глазами вспыхнул график — резкий, стремительный, уходящий вверх по диагонали. Рядом с ним, словно выжженное клеймо, мелькнуло название актива: «VortexEnergy».

Всё исчезло так же внезапно, как и появилось. Марк отпрянул, сердце колотилось где-то в горле, а в ушах звенело. Он зажмурился, потом снова открыл глаза, будто проверяя, не сошёл ли с ума. Но в памяти намертво отпечатались линия графика и название — чёткие, яркие, будто выжженные.

«Это не может быть совпадением, — шептал он себе, пытаясь унять дрожь в пальцах. — Это просто... совпадение». Но внутренний голос уже не верил в случайности.

Утро встретило его грохотом города и ослепительным светом, который резал глаза. В офисе всё шло как обычно: экраны мерцали графиками, в чатах летели сообщения, коллеги перебрасывались короткими фразами, полными напряжения. Марк чувствовал себя чужим среди этой привычной суеты — будто он перешагнул невидимую грань и теперь смотрел на мир из-за стекла.

Он принял решение быстро, почти машинально: вложил почти все свободные средства в «VortexEnergy». Коллеги косились, кто-то хмыкнул, кто-то попытался отговорить, но Марк стоял на своём с упрямой уверенностью, которую сам не мог объяснить.

Часы тянулись мучительно долго. Марк сидел, уставившись на график, и ждал. И когда стрелка пересекла критический рубеж, а линия рванула вверх, он не закричал, не вскочил — он замер, чувствуя, как по спине пробегает ледяной ток. Прибыль росла с пугающей скоростью, цифры на экране превращались в нули, складываясь в суммы, о которых он раньше и мечтать не смел.

К полудню он уже был в плюсе настолько, что это выглядело почти неприлично. Коллеги подходили, хлопали по плечу, кто-то шутил про «интуицию богов», но Марк лишь кивал, не в силах выдавить улыбку. Эйфория приходила не волнами, а острыми осколками, ранящими изнутри.

После работы он вышел на улицу, где воздух был густым от выхлопных газов и напряжения. Ему хотелось просто идти, не думая, не чувствуя, но телефон в кармане вибрировал снова и снова. Он достал его и, почти не глядя, пролистал ленту новостей. И вдруг одно сообщение остановило его, как удар под дых.

«Крупный сбой на бирже в Нижнем: фонд “Горизонт” потерял ликвидность за считанные минуты. Сотни инвесторов остались ни с чем. Причины выясняются».

Марк замер посреди тротуара, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Он щёлкнул по ссылке, читал, перечитывал, пытался найти хоть какое-то объяснение, которое не связывало бы его успех с чужой бедой. Но факты складывались в пугающую мозаику: сбой произошёл в тот самый момент, когда его сделка выстрелила. Это не было прямым следствием, но выглядело как тень, упавшая на другой конец города.

Он сел на край скамейки, не замечая ни прохожих, ни ветра, ни холода. В голове крутилась одна мысль: «Это просто совпадение. Просто рынок. Просто хаос». Но где-то внутри уже шевелилось понимание, от которого хотелось спрятаться.

Вечером он вернулся в ту самую квартиру, где тишина теперь казалась не просто отсутствием звуков, а чем-то вроде приговора. Зеркало стояло на прежнем месте, тёмное, неподвижное, будто ждало. Марк подошёл к нему медленно, как к живому существу, которое могло укусить.

— Что ты делаешь со мной? — прошептал он, всматриваясь в стекло.

Ответа не было. Только его собственное отражение, в котором теперь читалась не уверенность, а страх.

Но прежде чем он успел отвернуться, по поверхности зеркала снова пробежала рябь. На этот раз он не искал видений — они сами пришли: мелькающие графики, названия активов, обрывки фраз, которые он не успевал прочесть. Всё это кружилось в безумном вихре, как будто зеркало хотело показать ему сразу всё будущее — и не давало шанса выбрать, что видеть.

Марк отшатнулся, дыхание сбилось, а руки похолодели. Он снова накинуд на зеркало ткань, на этот раз с такой силой, будто пытался задушить что-то живое. Ткань легла неровно, и из-под края пробился слабый, мерцающий свет — будто стекло сопротивлялось.

Он отошёл к окну, прижался лбом к холодному стеклу и смотрел на город, который жил своей жизнью, не подозревая о том, что где-то в пыльной квартире молодой трейдер только что понял: его удача имеет цену. И эта цена — чужие судьбы.

В ту ночь Марк почти не спал. Он лежал в темноте, слушая, как тикают часы, и думал о людях, которые потеряли всё из-за сбоя, о цифрах, которые сделали его богатым, и о зеркале, которое ждало следующего взгляда. И впервые за долгое время он задался вопросом, который раньше казался ему нелепым: а стоит ли успех такой цены?

Глава 3. «Цена удачи»

Дни сливались в один бесконечный поток цифр, графиков и уведомлений. Марк уже не различал, где заканчивается его собственная интуиция и начинается холодный шёпот зеркала. Его имя всё чаще мелькало в финансовых сводках, заголовки пестрели фразами вроде «феноменальный рост», «невероятная точность прогнозов», «трейдер, который не ошибается». Коллеги смотрели на него теперь не просто с интересом — с почти суеверным почтением. Кто-то шептал о гениальности, кто-то — о везении, а кто-то, понизив голос, говорил о чём-то большем, необъяснимом.

Но Марк знал правду. И она не давала ему спать по ночам.

Он начал вести дневник — не обычный, с мыслями и чувствами, а хронику совпадений. На плотной бумаге чёрными чернилами он записывал дату, название актива, размер прибыли, а рядом — новости, которые находил в тот же день: обанкротившийся стартап, внезапный обвал котировок на другом рынке, закрывшийся фонд, потерявшие работу люди. Сначала он искал в этом логику, потом — случайность, а потом... перестал искать оправдания.

Закономерность была пугающе чёткой. Каждый его выигрыш, каждый резкий взлёт капитала словно тянул за собой тень — и эта тень падала на кого-то другого. Не всегда напрямую, не всегда очевидно, но связь была. Марк видел её в датах, в часах, в совпадениях, от которых по коже бежали мурашки.

Однажды вечером он сидел в полутёмной квартире, перед ним лежали раскрытые страницы дневника, исчерканные пометками. На столе стояла чашка остывшего кофе, а в углу, накрытое тканью, ждало зеркало. Марк не подходил к нему уже три дня. Он пытался жить «нормально»: принимать решения на основе аналитики, слушать экспертов, доверять цифрам. Но рынок будто издевался над ним: всё, что он делал без зеркала, шло не так. Сделки срывались, прогнозы не сбывались, а прибыль таяла, как снег под дождём.

Искушение было невыносимым.

— Это просто инструмент, — шептал он себе, будто оправдываясь. — Как калькулятор. Как компьютер. Это не я причиняю вред. Это рынок. Хаос. Статистика.

Но голос внутри смеялся над этими словами.

В тот вечер он снова сорвал ткань с зеркала. Она упала на пол с глухим звуком, будто сдавалась. Стекло было тёмным, почти чёрным, и в нём не было ни намёка на отражение. Марк наклонился ближе, чувствуя, как холод проникает сквозь кожу, как воздух вокруг становится гуще, тяжелее.

— Покажи мне что-нибудь, — прошептал он. — Что-нибудь простое. Без катастроф. Без теней.

Стекло дрогнуло. По поверхности пробежала рябь, и на мгновение вспыхнул график — плавный, уверенный, без резких скачков. Рядом возникло название: «SolarFlow». Марк запомнил его, как запоминают заклинание, способное спасти жизнь.

На следующий день он вложил деньги. Не все, но достаточно, чтобы это имело значение. И снова — успех. Актив рос, прибыль капала, коллеги кивали, будто подтверждая: да, он действительно особенный.

А вечером, листая новостные ленты, он нашёл то, что боялся найти.

«Авария на солнечной электростанции в регионе N: из-за сбоя системы контроля произошёл перегрев, повреждено оборудование. Проект заморожен, сотни рабочих временно без работы».

Марк закрыл ноутбук так резко, что крышка щёлкнула, как выстрел. Он сидел в тишине, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугий узел. Связь была не просто пугающей — она была безупречной. Его прибыль и эта авария случились в один день. Не через неделю, не через месяц — в один.

Он встал, подошёл к окну и смотрел, как город зажигает огни, будто пытаясь найти в этом свете хоть каплю утешения. Но тьма была повсюду — не снаружи, а внутри.

Вернувшись к столу, Марк открыл дневник и записал новую строчку. Дата. Актив. Прибыль. Новость. И в самом низу, дрожащей рукой, добавил: «Сколько ещё?»

Он хотел порвать страницы, сжечь их, выбросить дневник в мусорное ведро и забыть обо всём. Но вместо этого аккуратно закрыл тетрадь и убрал её в ящик стола — будто прятал улику, которую нельзя уничтожить.

Зеркало в углу снова было накрыто тканью. Но на этот раз Марк не просто накинул её — он закрепил края, словно пытался удержать что-то внутри. Ткань легла неровно, и из-под неё пробился слабый мерцающий свет, будто стекло сопротивлялось.

Ночью он долго не мог уснуть. В голове крутились мысли, сменяя друг друга, как кадры в сломанном кинопроекторе: лица людей, которых он не знал, но чьи судьбы теперь были связаны с его решениями; графики, превращающиеся в тени; шёпот, который звучал то ли в комнате, то ли в его собственной голове.

«Ты уже начал. Назад пути нет».

Эти слова, однажды услышанные или придуманные, теперь звучали как приговор.

Утром Марк пришёл в офис раньше обычного. Он включил компьютер, открыл графики, начал анализировать данные — обычные, человеческие методы, без магии и видений. Но цифры казались ему чужими, бессмысленными, как буквы на незнакомом языке. Он пытался сосредоточиться, пытался вернуть себе ощущение контроля, но мир будто ускользал сквозь пальцы.

Телефон завибрировал. Сообщение от брокера: «Рынок нестабилен. Есть окно для сделки. Нужно решение сейчас».

Марк замер, глядя на экран. Он знал, что может пойти домой, снять ткань с зеркала и увидеть ответ. Он знал, что это сработает. Он знал, что снова будет успех.

И он знал, какую цену придётся заплатить.

Он закрыл глаза, сжал кулаки и сделал глубокий вдох. В этот момент он чувствовал себя не трейдером, не гением рынка, а человеком, стоящим на краю пропасти. И каждый шаг вперёд означал, что кто-то другой упадёт вниз.

«Я не хочу этого», — прошептал он про себя.

Но рука уже тянулась к телефону, чтобы подтвердить сделку.

Потому что остановиться было страшнее, чем продолжать.

Глава 4. «Человек за стеклом»

Ночь легла на город тяжёлым бархатным покрывалом, приглушив огни, сгладив углы домов и превратив улицы в лабиринты теней. В квартире Марка тишина стала почти осязаемой — она не была спокойной, а будто пульсировала, наполненная невысказанными вопросами. Марк сидел напротив зеркала, и ткань, которой он пытался его скрыть, теперь валялась скомканной в углу, словно бесполезная преграда перед чем-то, что нельзя спрятать.

Он не хотел смотреть. Правда, не хотел. После того как дневник наполнился строками, где каждая прибыль соседствовала с чьей-то бедой, он поклялся себе держаться подальше от этого проклятого стекла. Но рынок снова играл против него: без подсказок зеркала сделки шли

криво, прогнозы рассыпались, а давление со всех сторон становилось невыносимым. И вот он снова здесь — перед тёмной гладью, в которой, казалось, пряталась сама судьба.

Марк наклонился ближе, почти касаясь носом стекла, и всмотрелся в глубину. Сначала там была только чернота — густая, бездонная, будто зеркало поглощало даже свет лампы. Потом по поверхности пробежала едва заметная рябь, похожая на дрожь воздуха над раскалённым асфальтом. Он задержал дыхание, чувствуя, как сердце стучит где-то в горле.

И вдруг в глубине стекла мелькнуло движение — не отражение, не график, не цифры, а что-то живое. Марк прищурился, пытаясь уловить форму, но она ускользала, словно тень, которая не хочет быть пойманной. Он подался вперёд, почти прижимаясь лбом к холодному стеклу, и в этот момент отражение «споткнулось».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.